

26. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов: в 2 т. – М.: Политиздат, 1968-71. – Т. 1 (1917-1918 гг.) – М.: Политиздат, 1968. – 758 с.

27. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

28. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 1. – Мінск: БелЭн, 1993. – 494 с.

29. Юхо, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў / Я. Юхо // Спадчына. – 1991. – № 6.

1917 ГОД В АНГЛО-РУССКОЙ ДУЭЛИ

Семёнова Л.Н.

г. Минск, БНТУ

Если для исследования революций выбирается короткий период времени, например, «десять дней, которые потрясли мир» в соответствии с метафорой Джона Рида, то в поле зрения оказывается вихрь политических событий: борьба партий, течений, группировок, заговоры, выступления народных масс и смена власти, которые составляют сущность всякой политической революции. Раздвигая хронологические рамки, можно уловить биение социально-экономических тенденций, смену экономических укладов, общественного устройства, те глубинные долговременные процессы, которые с неизбежностью повышают градус и напор политического давления. На таких же глубинах формируются геополитические процессы, международный расклад сил, которые, исходя из интересов господствующих стран и их правящих групп, или усиливают, или гасят революционные трансформации. Собственно революционные волны вздымаются вполне целенаправленно именно с этих глубин, но в видимом ярком калейдоскопе политических событий, в глубину, как правило, не всматриваются. Глубинные процессы с очевидностью обнажаются в долговременной перспективе.

По прошествии ста лет становится понятным, что Русская революция 1917 г. стала драматической кульминацией в противостоянии мировой капиталистической и Русской систем в «длинном XIX» и «коротком XX» вв.

В XIX в. мировая капиталистическая система была уже настоящим мировым: и с точки зрения охвата стран и народов, подчинив их ядру системы, и с точки зрения распространения капиталистических принципов внутри системы. В. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» привел позицию экономиста Р. Кальвера, который выделил пять «главных хозяйственных областей»: среднеевропейскую (вся Европа кроме России и Англии), британскую, американскую, российскую и восточноазиатскую, «включая колонии в “области” тех государств, которым они принадлежат». Три первые из этого перечня явно входили в мировую капиталистическую систему [4, с. 392].

В XIX в. безоговорочным лидером системы, переживавшей с точки зрения Дж. Арриги, третий системный цикл капиталистического накопления – британский, была Великобритания. Pax Britannica характеризовался, по словам Дж. Арриги, «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании», «... только Великобритания одновременно принимала участие в политике всех регионов мира и – что более важно – занимала ведущие позиции в большинстве из них. Впервые цель всех предыдущих капиталистических государств стать хозяином, а не слугой глобального баланса сил, была в полной мере, хотя и ненадолго, достигнута ведущим капиталистическим государством эпохи» [1, с. 97]. Достигнуто это было за счет сочетания сетевой капиталистической и традиционной территориалистской имперской структуры, обеспечения мировой торгово-финансовой и промышленной монополии. Под руководством Великобритании налаживались международные коммуникации через железные дороги и морские перевозки, с помощью которых происходила невиданная политико-экономическая и переселенческая колонизация незападного мира. Разностороннее могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной в Лондоне.

Лишь две области оставались зонами «слабого развития капитализма»: российская и восточноазиатская [4, с. 393]. Это были самодостаточные общественные системы или цивилизации, развивавшиеся вполне независимо по своим путям. В середине XIX в. капита-

лизм, характеризующий экспансионистской природой, достиг такого уровня собственной мощи и организации, чтобы приступить к их освоению. «Опиумными войнами» Великобритания решительно приоткрыла двери Китая и повела своих младших партнеров на борьбу за сферы влияния в нем.

С Россией у Англии была долгая история взаимоотношений, начиная со времен Ивана Грозного. Россия выступала в них как надежный и незаменимый торговый партнер, поставлявший Англии стратегические материалы для морского флота. При этом Европа научилась втягивать Россию в свои военные разборки, при которых морской Англии удавалось заполучать ее в качестве союзной «шпаги» на сухопутных театрах военных действий. Достаточно вспомнить Семилетнюю войну (1756–1763) и борьбу с наполеоновской Францией в начале XIX в., повергнув которую Англия и взобралась на свой мировой пьедестал.

В первой половине XIX в. для Англии – «фабрики мира» – Россия стала «фабрикой по производству зерна», «житницей Европы», имея в торговле с ней положительный баланс, чего Англия допустить не могла. Более того, выстраивая практически на всех континентах крупнейшую в мире империю, Англия столкнулась с принципиально иной, закрытой для проникновения западных капиталов, пространственной системой – Россией. Как пишет А. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [9, с. 114].

Как опытный дуэлянт, сопровождаемый зависимыми секундантами, Англия рванулась в наступление, развязав Крымскую войну (1853–1856). Поражение в Крымской войне означало для России открытие ее рынка для экспансии западных капиталов, упразднение промышленного протекционизма, и таким образом постепенное включение в мировую капиталистическую систему в качестве аграрной и сырьевой периферии. Прежде всего, этим воспользовался французский капитал, но Франция, повторив путь Голландии, из соперника превратилась в младшего бизнес-партнера Великобрита-

нии. Недаром 1850–60-е гг. стали «золотыми годами» британского процветания. Однако с 1870-х гг. Великобритания начала утрачивать свою торгово-промышленную монополию. Ее главными конкурентами стали США и Германская империя.

Борьба между ними в первой половине XX в. определила движение к новому американскому системному циклу капиталистического накопления, став пульсирующим нервом переломной эпохи. Однако это противостояние было по сути дела борьбой «со своими» – «младшими партнерами» возглавляемой Британией капиталистической системы Запада. С США после войны 1812 г. боролись преимущественно политическими интригами, пока, в конце концов, уже в середине XX в. не уступили им партию первой скрипки. Германию пришлось сокрушать в ходе двух мировых войн. В воронку этой борьбы, так или иначе, втягивались практически все страны мира, в том числе и Россия. План сохранения своего мирового могущества Британия выстраивала как хитроумный бильярдист, стремясь загнать несколько шаров в одну лузу, сталкивая Германию и Россию, и по ходу дела уничтожая несовместимые с логикой капиталистического развития традиционные империи. В конце XIX в. в одной из британских газет был опубликован памфлет «Сон кайзера». Приснилось будто бы германскому императору, что в результате войны Германия и Австро-Венгрия потерпели поражение, и на их территориях возникли мелкие республики, созданные по национальному принципу. На месте же России образовалась политическая пустыня, возможно намек на установление прямого контроля над ней [11, с. 177].

Направить Россию против Германии можно было, как и прежде, через союзнические отношения с ней. Так Англия стала выстраивать два враждебных блока – Тройственный союз и Антанту, разрывая союз трех императоров (1873 г. России, Германии и Австро-Венгрии), который был для нее смертельно опасным. Тем самым неизбежно разогнался маховик Первой мировой войны. И кайзер Вильгельм II, и царь Николай II не смогли ему противостоять, направив точно в соответствии с планами Британии, свои армии друг против друга в 1914 г. Англии важно было удерживать две страны в войне как можно дольше, чтобы они изматывали и ослабляли друг друга. По свидетельству британского разведчика в России Р. Локкарта, в петербургских салонах тогда острили о «решении Англии сражаться до последней капли русской крови» [5, с. 100].

Война же в то время была чревата революциями. В феврале 1914 г. один из царских сановников, бывший министром внутренних дел в 1905–1906 гг., П. Дурново направил императору «Записку», в которой выступал за создание континентального блока против англосаксов, подчеркивая, что война может привести к тяжелым социальным потрясениям. «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений, – писал Дурново, – представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для... агитации. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества все будет поставлено в вину правительству» [11, с. 181].

Очередным метким выстрелом Англия поразила Россию в феврале 1917 г. Недовольные массы вышли на улицы Петрограда, и в верхах организованно и четко, как по единой команде, произошла смена власти. Упразднение самодержавия готовилось по линии нескольких верхушечных политических заговоров: царского двора, армейского генералитета, масонских организаций и участвовавших в них членов Государственной думы, британцев. Невозможно сказать какая из линий оказалась максимально успешной. Революция стала результатом синергии множества факторов, стечения разнообразных обстоятельств и огромной роли случайностей. Конечно, британский фактор в Февральской революции был не определяющим, но весьма значительным, сыграв возможно роль «контрольного выстрела», как в убийстве Г. Распутина, которого согласно недавно обнародованным документам английской разведки, убил именно британский снайпер [2]

Английского посла в России в 1910–1918 гг. сэра Дж. Бьюкенена немцы вполне обоснованно называли «некоронованным королем России». Возглавляемое им британское посольство было важнейшим политическим центром, своего рода «теневым кабинетом» Петербурга, где, не таясь, встречались и обсуждали самые деликатные проблемы чиновники высокого ранга, представители царского двора, лидеры думских партий. По словам Бьюкенена, он «имел связи,

как того требует долг, с членами всех партий» [3, с. 325]. Бьюкенен вспоминал: «Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император и императрица или только последняя...» [3, с. 191].

После отречения Николая II Великобритания стремительно признала власть Временного правительства. Ей не нужно было времени для ознакомления, изучения, все было известно заранее. Впоследствии Бьюкенен всегда старался приуменьшить свою роль в Февральской революции. Как бы он не оправдывался, когда писал: «Тем не менее многие все еще думают, что я был ее основной пружиной, что именно я дергал за веревку и пустил ее в ход» [3, с. 226], он достаточно верно определил свою миссию – быть «пружиной» важных для Великобритании политических изменений в России – ликвидации Российской империи. Французский посол в России в то время М. Палеолог также отмечал, что на его родине во Франции «в кулуарах палаты депутатов, в салонах, в редакциях сэру Дж. Бьюкенену приписывают честь, будто он вызвал революцию, чтобы положить конец немецким интригам» [6, с. 779].

Многие участники Февральской революции осознавали роль иностранного вмешательства и на уровне геополитических и военных целей стран, и на уровне деятельности конкретных агентов влияния. В июле 1917 г. министр юстиции П. Переверзев заявил, что «только служба контрразведки может спасти Россию» [7, с. 41]. Не были секретом и цели по отношению к России не только воюющей с ней Германии, но и союзников по Антанте. Меньшевик Ю. Мартов, выступая за немедленное заключение мира, подчеркивал, что в случае продолжения войны Россия «станет предметом торга между империалистическими группами» [8, с. 36]. Даже А. Керенский, по сути, сам проводник англо-американского влияния, разуверился в союзниках. В одном из интервью американскому издательству он откровенно заявил: «Вы спрашиваете, почему русские перестали сражаться, а русские спрашивают, где находится британский флот, когда по Рижскому заливу ходят германские броненосцы?» [8, с. 275]. Действительно не только большевики, но и министры Временного правительства считали, что британский флот покинул Балтийское море с определенным умыслом. По свидетель-

ству Дж. Рида, это было выражение четкой британской позиции, которая открыто излагалась в прессе и высказывалась английскими политиками: «С Россией кончено, с ней больше не стоит возиться...» [8, с. 267]. Княгиня Палей, вдова великого князя Павла Александровича свидетельствовала в своих воспоминаниях, что английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, узнав о падении царизма в России, потирая руки, воскликнул: «Одна из английских целей войны достигнута» [3, с. 228].

Казалось бы, английская правящая верхушка может праздновать победу в решении русского вопроса и планировать открытие торговли или с богатейшей теперь уже демократической страной в Европе, или с образовавшимися на ее территориях национальными автономиями. Но тревожила неопределенность. Офицер британской разведки Р. Локкарт представил посольству обстоятельный анализ революционного движения в России, в котором предупреждал: «Положение настолько неясно и неопределенно, что трудно даже пытаться что-либо предугадать. Кажется немислимой возможность прекращения борьбы между буржуазией и пролетариатом без дальнейшего кровопролития. Когда она начнется, никто не знает, но перспективы войны представляются мрачными» [5, с. 180]. Поток народной революции уже пробивал себе дорогу и остановить его было невозможно. Как писал Локкарт: «Можно было искусно ввести его в менее опасное русло. Но этот метод был чужд союзникам, встретившим революцию сначала с притворным энтузиазмом, а затем с быстро возрастающей тревогой. Им хотелось – и для военных кругов это желание было естественно – вернуть все на прежнее место. Но, к несчастью, ни во времени, ни в революции не бывает возврата» [5, с. 181]. Показательно, что уехавший из России за шесть недель до Октябрьской революции Локкарт, был назначен экспертом в министерство внешней торговли Великобритании. Однако, торговать с Россией было еще рано.

В отличие от Февральской революции официальный Лондон не признал Октябрьскую революцию. В Англии господствовало мнение, что большевистская власть не продержится и нескольких недель и что Россия вернется к царизму, или же в ней утвердится военная диктатура. В английском истеблишменте прочно укоренилось мнение, что Ленин и Троцкий, по словам Локкарта, были «переодетыми офицерами германского штаба или, по крайней мере,

немецкими агентами». Чуть ли не один Локкарт убеждал британскую элиту «войти в сношения с людьми, державшими в своих руках судьбу России» [5, с. 205]. Но враждебная позиция Англии оставалась непреклонной. Она всячески вредила молодой советской власти. Первоначально это были мелкие пакости. Например, Совет Народных Комиссаров обещал опубликовать секретные дипломатические документы, но они исчезли, и как небезосновательно полагали, были спрятаны в английском посольстве. Когда забастовали банки, включая Государственный банк, тоже подозревали, что банковские служащие подкуплены англичанами [8, с. 177]. Затем началась вооруженная интервенция.

Уже бывший посол в России Дж. Бьюкенен на протяжении 1918–1921 гг. горячо защищал политику вооруженной интервенции. Он утверждал, что «русский вопрос является доминирующим фактором интернационального положения, и до тех пор, пока он остается не решенным, не может быть устойчивого мира в Европе. Сверх того, предоставление России ее собственной участи могло бы привести к тому, что Германия могла бы в один прекрасный день обеспечить за собой распоряжение огромной людской силой России и ее неслыханными минеральными богатствами» [3, с. 333]. Когда стало ясно, что победить новую Россию вооруженным путем не удастся, Англия первой из капиталистических стран в 1921 г. заключила с Советской Россией торговый договор. Нэповская Россия, после жесткой политики «военного коммунизма» введившая капиталистические принципы и открывавшая свою истощенную войной экономику иностранному капиталу, а также выступавшая за мировую революцию и Европейскую федеративную республику без границ, вполне отвечала интересам Великобритании.

Но в 1930-е гг. произошло непредвиденное. Команда И.В. Сталина, одолев и правую и левую оппозиции, приступила к проведению индустриализации и коллективизации на собственной экономической основе, что позволило Советскому Союзу выйти из международного процесса накопления капитала, из мировой финансовой системы, и таким образом отсоединиться от капиталистической миросистемы. Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный

материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране” красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [10]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты. То, что ему удалось создать надежную и адекватную индустриально-производственную базу, подтвердила Победа во Второй мировой войне. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку Советский Союз сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы. После войны СССР на равных теперь уже с новым лидером капиталистической системы организовал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений.

Все это стало прямым следствием Октябрьской социалистической революции. Именно эта революция подвела черту не просто самодержавной России, но России как периферии мировой системы капитализма. Также она подвела черту и лидерству Британии в капиталистической миросистеме, да и собственно Британской империи, которая могла функционировать лишь в качестве ее гегемона, да еще и имея при этом в качестве баланса такой антипод как Российская империя.

Использованная литература

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.

2. Безрукова, Т. Распутина убили английские спецслужбы / Т. Безрукова [Электронный ресурс] // Международный клуб друзей. – Режим доступа: <http://clubdruzey.ru/meet/index.php>. – Дата доступа: 17.05.2017.

3. Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата / Дж. Бьюкенен. – М.: Международные отношения, 1991. – 344 с.

4. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 299–426.

5. Локкарт, Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки / Р.Б. Локкарт; пер. с англ. В.Н. Карпова. – М.: Алгоритм, 2016. – 368 с.

6. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М.: Захаров, 2003. – 829 с.

7. Рабинович, А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ / А. Рабинович. – М.: Прогресс, 1989. – 416 с.

8. Рид, Дж. Десять дней, которые потрясли мир / Дж. Рид; пер. с англ. А. Ромма. – М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.

9. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98-181.

10. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/. – Дата доступа: 30.05.2016.

11. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД И МОГИЛЕВ В ОКТЯБРЕ-НОЯБРЕ 1917 ГОДА: СМОЛЬНЫЙ ПРОТИВ СТАВКИ

Сидоренко Б.И.

г. Могилев, БИП

После октябрьского переворота 25.10.1917 г. в Петрограде большевики, осознавая непрочность своих позиций и озабоченные проблемой собственной легитимности, получили возможность претворения в жизнь своих программных документов, принятых на II Всероссийском съезде Советов. Основные положения этих документов в области внешней политики озвученные еще в «апрельских тезисах» и затем воплощенные в «Декрете о мире» помогли большевикам завоевать определенные позиции в армии и на флоте и были внешне привлекательными для широких народных масс. Помимо этого, в число первоочередных задач, обозначившихся после переворота, стала ликвидация, либо большевизация и силовое подчинение тех государственных и общественных структур, которые были способны организовать реальное сопротивление, и вокруг которых могла произойти широкая консолидация антибольшевистских сил в полосе Западного и Северного фронтов и прифронтной зоне оперативного тыла.